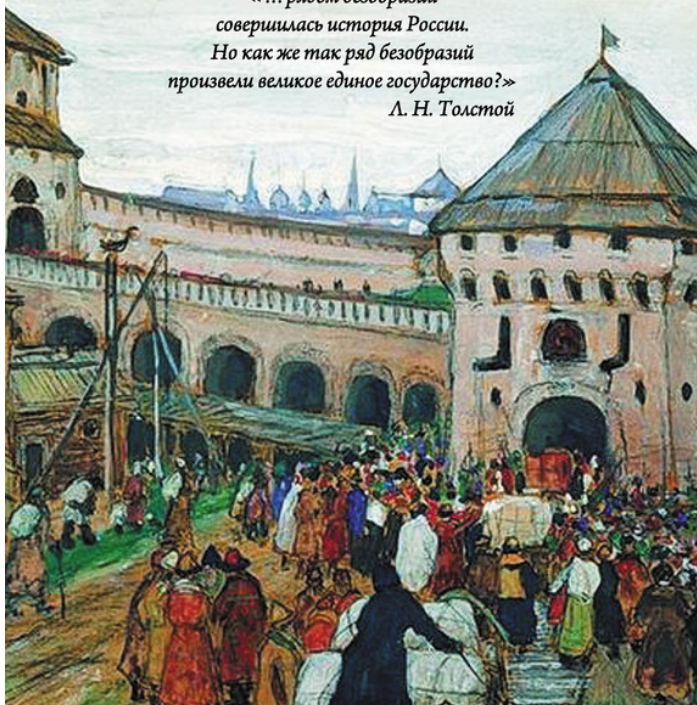


■ СЕРГЕЙ ■
СОЛОВЬЕВ
ИСТОРИЯ
РОССИИ

ПОЛНЫЙ КУРС В ОДНОЙ КНИГЕ

*«...рядом безобразий
совершилась история России.
Но как же так ряд безобразий
произвели великое единое государство?»*

Л. Н. Толстой



Сергей Михайлович Соловьев

Полный курс русской истории: в одной книге

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5004277

Полный курс русской истории: в одной книге / С.М. Соловьев; в совр. излож. Лин фон Паль.: АСТ, Астрель; Москва, Санкт-Петербург; 2010 ISBN 978-5-17-067802-0, 978-5-9725-1916-3

Аннотация

Сергей Михайлович Соловьев (1820–1879) – виднейший историк дореволюционной России. Выходец из семьи церковного служащего, он добился в науке удивительных успехов и уже в 27 лет был удостоен звания профессора. Над главным трудом своей жизни «Историей России с древнейших времен» он работал, по сути, всю жизнь. А сейчас его грандиозная работа **в современном изложении** может быть доступна любому читателю!

Содержание

Предисловие. Труженик науки	5
Часть первая: Киевская Русь (XI–XII века)	29
Концепция речных систем	29
Территория славян в IX веке	29
Новгородская земля	34
Полоцкая земля	38
Днепровская земля	40
Волго-Окская земля	44
Природа, порождающая государство	47
По страницам древних книг	50
Дунайский исход	50
Основание Киева	53
Племена Днепровской Руси	55
Общественный строй восточных славян	58
Родовые старшинства	62
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Сергей Михайлович Соловьев

Полный курс русской истории: в одной книге

Спросим человека, с кем он знаком, и мы узнаем человека; спросим народ об его истории, и мы узнаем народ.

С. М. Соловьев

Читаю историю Соловьева. Все, по истории этой, было безобразно в допетровской России: жестокость, грабеж, праведж, грубость, глупость, неумение ничего сделать. Правительство стало исправлять. И правительство это такое же безобразное до нашего времени. Читаешь эту историю и невольно приходишь к заключению, что рядом безобразий совершилась история России. Но как же так ряд безобразий произвели великое единое государство? Уж это одно доказывает, что не правительство производило историю.

Л. Н. Толстой

Предисловие. Труженик науки

В середине XIX столетия, когда в научном мире появился Сергей Михайлович Соловьев, русская историческая наука пребывала в состоянии практически зачаточном. Да, до Соловьева на этой ниве потрудились уже лучшие исторические умы – Татищев и Карамзин. Но первый собирал по крупинкам факты родимой древности столетие назад, создав замечательное для своего времени сочинение «История Российская», в котором охватил события от начальных, то есть мифических времен, до конца XVI века. Татищев рассматривал историю с точки зрения монархической, то есть считал, что русское государство утвердилось и обрело силу благодаря монархическому правлению. Он был, как мы теперь говорим, едва ли не первым историком-государственником, то есть историком, видевшим движение прогресса в усилении и упрочении государства. Бесспорно, Татищев сделал очень много для зарождающейся русской исторической науки, но едва ли не самое важное, что для своей работы он использовал утраченные позже источники. Соловьев уважал Татищева, ведь именно тот впервые ввел в русскую историю такие понятия, как *этнография* и *этногеография*. Недаром он сказал о Татищеве такие слова: своими трудами Василий Никитич дал «путь и средство своим соотечественникам заниматься русской историей». В устах Соловьева это была наи-

высшая оценка. Другой историк, несомненно серьезный и крупный хотя бы в силу охваченного им материала, — писатель Николай Михайлович Карамзин, который начал с романов и закончил многотомным трудом «История Государства Российского». В отличие от спокойного и не склонного к аффектации Татищева, Карамзин был совершенно другим человеком. Из него так и выпирал писатель. Карамзин то возвышал свой голос до патетики, то опускал его до зловещего шепота. Недаром карамзинскую историю с удовольствием читали люди весьма далекие от науки и очень хвалили: Николай Михайлович любил писать душевно. В глазах Соловьева эта «душевность» только снижала качество карамзинского труда. Ученый, считал Соловьев, должен быть строгим и уметь оперировать фактами, сопоставлять их, а не просто переписывать летописные сказания. Карамзин, заставший на своем веку царствование нескольких монархов, назначенный главным историком страны при Александре Первом, конечно, не мог не славить своего «кормильца» и ту систему, на вершине которой стоял государь. Любое ограничение власти императора казалось ему кощунственным и недостойным истинно русского ума: силу государства он видел в сочетании самодержавия и православия. Православие в карамзинской системе власти в России выполняло функцию той божественной гири, которая при необходимости уравновешивала состояние общества, увеличивая вес, если народ вдруг выказывал недовольство или случалась какая-то

внешняя беда, то есть вера, по Карамзину, внушала государям правильные действия для блага народа и она же сплачивала людей, заставляя их еще лучше служить своим правителям. Вполне очевидно, что в эту двуглавую модель Карамзин верил совершенно искренне, клеймя конституцию и прочие западные мерзопакости как непонятные и ненужные русскому человеку. Он страшно боялся возвышения аристократии, которая может свести все достижения самодержавия к нулю, ограничив власть государя. Вероятно, декабрьское восстание, которое он пережил едва на год, было для него неожиданным и весьма неприятным сюрпризом. «Самодержавие есть палладиум России; целость его необходима для ее счастья», – считал он, так что посягнувшие на самое святое – самодержавную власть – ранили историка в самое сердце. Как можно посягать на палладиум, на лучшее, что есть и что создает страну? Все эти воззрения писателя-историка нашли отражение и в его научном труде. Соловьев, естественно, не мог не оценить подвиг Николая Михайловича, ушедшего в историю с 37 лет и до последнего вздоха, но он не мог воспринимать всерьез многое из сказанного Карамзиным, поскольку в голосе того преобладало более эмоций, чем трезвой оценки фактов. Правда, в юные годы карамзинская история была его любимым чтением. «Между книгами отцовскими я нашел всеобщую историю Басалаева, – рассказывал он, – и эта книга стала моею любимицею: я с нею не расставался, прочел ее от доски до доски бесконечное число

раз; особенно прельстила меня римская история... Велико было мое наслаждение, когда после краткой истории Басалаева я достал довольно подробную историю аббата Милота, несколько раз перечел и эту, и теперь еще помню из нее целые выражения... Единовременно, кажется, с Милотом, попала мне в руки и история Карамзина: до тринадцати лет, то есть до поступления моего в гимназию, я прочел ее не менее двенадцати раз, разумеется, без примечаний, но некоторые томы любил я читать особенно, самые любимые томы были: шестой – княжение Иоанна III и восьмой – первая половина царствования Грозного; здесь действовал во мне отроческий патриотизм: любил я особенно времена счастливые, славные для России... Двенадцатый том мне не очень нравился, именно потому, что в нем описываются одни бедствия России...»

Сам Соловьев стремился счастливо соединить следование фактическому материалу и красоту изложения. Однако факты интересовали его куда как больше. Читавший много и на разных языках, он стремился вводить в свои сочинения как изложение русских летописных источников, так и иностранные тексты, чтобы картина получилась полной и объемной, наиболее объективной, как ему казалось. Поэтому он склонялся к разбору фактического материала и сдерживал собственные порывы что-либо заметить по ходу повествования. Это у него получалось далеко не всегда. Иногда, разъярен-

ный нарисованной только что неприятной картиной, он не сдерживался и давал оценку. Но в его трудах таких оценочных восклицаний совсем немного. Ученый вовремя успевал наступить на горло собственной песне, дабы вся лирика осталась за бортом, а не как у Карамзина – в тексте. Счастливицы, слушавшие курс лекций Соловьева по русской истории, вспоминали впоследствии, как воздействовало на них это строгое следование фактам. «Начали мы слушать Соловьева, – рассказывал его великий ученик Ключевский, – обыкновенно мы уже смиренно сидели по местам, когда торжественной, немного раскачивающейся походкой, с откинутым назад корпусом вступала в словесную внизу высокая и полная фигура в золотых очках, с необильными белокурыми волосами и крупными пухлыми чертами лица, без бороды и усов, которые выросли после. С закрытыми глазами, немного раскачиваясь на кафедре взад и вперед, не спеша, низким регистром своего немного жирного баритона начинал он говорить свою лекцию и в продолжение 40 минут редко поднимал тон. Он именно *говорил*, а не *читал*, и говорил отрывисто, точно резал свою мысль тонкими удобоприемлемыми ломтиками, и его было легко записывать... Чтение Соловьева не трогало и не пленяло, не било ни на чувства, ни на воображение, но оно заставляло размышлять. С кафедры слышался не профессор, читающий в аудитории, а ученый, размышляющий вслух в своем кабинете... Суть, основная идея курса как бы кристаллизовалась в излюбленных, часто по-

вторяемых лектором словах – „естественно и необходимо“».

«Соловьев давал слушателю удивительно цельный, стройной нитью проведенный сквозь цепь обобщенных фактов взгляд на ход русской истории... Настойчиво говорил и повторял он, где нужно, о связи явлений, о последовательности исторического развития, об общих его законах, о том, что называл он необычным словом – историчностью».

Соловьев стал профессором в очень молодом возрасте – буквально со студенческой скамьи он перешел в преподаватели. И этой преподавательской деятельности он практически не оставил до смерти. Московский университет воистину стал его родимым домом. Читая курс истории своим студентам, Соловьев очень рано понял, что им нужна, прежде всего, хорошая и богатая фактами, требующими размышления, новая история. В «Записках», не предназначенных для чужого глаза, он о своем решении написать полную историю России говорил так:

«Давно, еще до получения кафедры, у меня возникла мысль написать историю России; после получения кафедры дело представлялось возможным и необходимым. Пособий не было; Карамзин устарел в глазах всех; надобно было, для составления хорошего курса, заниматься по источникам; но почему же этот самый курс, обработанный по источникам, не может быть передан публике, жаждущей иметь русскую историю полную и написанную, как писались истории государств в Западной Европе? Сначала мне казалось, что исто-

рия России будет обработанный университетский курс; но когда я приступил к делу, то нашел, что хороший курс может быть только следствием подробной обработки, которой надобно посвятить всю жизнь».

Собственно говоря, на этот великий труд и ушла вся его жизнь. За 29 лет этой жизни он сумел издать 28 томов русской истории, последний, 29-й, вышел уже после его смерти. В год Соловьев писал по одному тому. Это была титаническая работа, поскольку приходилось не только переосмысливать факты, но и дополнять их, находить новые, устранять неточности, и, по сути, та история, которую он создал, для всех последующих историков стала лучшим сочинением такого рода.

По истории Соловьева учились и Ключевский, и Тихомиров, и Покровский. С Соловьевым можно было спорить, но даже на сегодняшний день – это наиболее полное фактическое изложение событий от древности до царствования Павла Первого. У Ключевского мы не найдем того обширного фактического материала, какие-то события он освещает мельком, какие-то и вовсе пропускает, но у Соловьева событие идет за событием, и каждое выписано детально, даже слишком детально. Именно эта детализация некогда происходящего обычно и «убивает» читателей, для которых история не профессия, а средство для любопытства. Читатель при виде многотомной истории Соловьева делает глубокий вдох, ощущает мгновенное головокружение и ужас, что все эти то-

ма придется прочесть. А когда начинает он чтение, то спотыкается о множество второстепенных фактов, скрупулезно выверенных и записанных Соловьевым. Поэтому читать его дилетанту сложно, за лесом он попросту не видит отдельно стоящих сосен. И дилетанту, конечно, не оценить, что сделал для русской истории Сергей Михайлович Соловьев. А сделал он немало, начиная с того, что сумел увести наиболее восприимчивого современного ему студента и читателя от карамзинской лирики к научному мировосприятию, причем ему удалось даже больше: он смог оттащить этого читателя от слюняво-патриотичного славянофильства, которое в его время набирало силы. И научная история пошла не вслед за Аксаковым, Погодиным, Хомяковым и Киреевским, а вслед за западником Соловьевым. И не было более среди историков ни единого славянофила, которому бы удалось оставить заметный след в науке. Соловьев очень просто и очень красиво показал, что история всех народов скроена по одинаковому образцу и движется по одинаковым законам, а если кому-то кажется, что для русской истории существуют особые законы и особый путь, – так это выдумка. И не столь важно, по какой причине ученый исповедует такой взгляд – от собственного недомыслия и заблуждения, или по заказу от вышестоящих инстанций, но все равно сути это не меняет – история как наука не понимает «особого пути» и «особых законов». Впрочем, несмотря на это отвращающее славянофилов отрицание особой русской дороги в будущее, Соловьев был

человеком крайне лояльным к власти (пусть власть считала иначе, а – увы – она считала!) и верил, что в силу величины страны неограниченная власть является благом. Поэтому более радикальные современники искренне причисляли Соловьева тоже к славянофилам. И он находился всегда в странном положении: западник по образу мышления он часто бывал отвергнут западниками, а рассуждая – как он считал – объективно и с западной точки зрения, вдруг оказывался для этих радикальных граждан в стане врагов – славянофилов. И ни те, ни другие не считали его своим. В этой парадоксальной позиции он и находился всю свою жизнь.

Подход Соловьева к науке истории станет более понятен, если вспомнить его основные ведущие идеи.

«Народы, – считал он, – живут, развиваются по известным законам, проходят известные возрасты, как отдельные лица, как все живое, все органическое». Мало того, народы еще и следуют по четко обозначенному пути – все они стремятся к одной и той же цели, проходят одни и те же этапы развития, на них воздействуют в сущности одинаковые факторы, вынуждающие к одинаковым действиям. По сути конечная цель прогрессивного поступательного движения во времени – достижение христианского идеала всеобщего благоденствия и добра. Историк считал, будто бы история каждого народа имеет два этапа развития: в первый, младенческий этап, во главе народов стоят семьи и роды, то есть родовые отношения; в этот период преобладают чувства, как у

ребенка, начинающего познавать мир, но не владеющего его законами, и события этого этапа складываются под влиянием эмоций, но не разума; во второй этап, зрелый, возникает государство с его законами, поскольку теперь преобладают уже не чувства, а мысли или идеи, поэтому отдельные личности перестают уже играть такую важную роль, они лишь более-менее удачно исполняют требования времени, приходя к власти, они вынуждены выполнять некие необходимые для развития страны действия, и на самом деле ни у кого из них нет абсолютной власти, поскольку они уже не могут действовать, исходя из одних только чувств, все их действия определены необходимостью.

«Произвол одного лица, – писал он, – как бы сильно это лицо ни было, не может переменить течение народной жизни, выбить народ из его колеи».

Забавно, но даже существование государства, которое громили Герцен (как негодное) и Бакунин (как всегда негодное), он рассматривал как великое благо для зрелого народа, потому что только законы государства могут оградить народ от своеволия правителей и аристократов, то есть государство скорее воспринималось им как народовластие (чего, конечно, в русской истории не было). Именно государство, по Соловьеву, держит в узде амбиции сановников и царей, заставляя их действовать в интересах народа и решать задачи, необходимые для жизни народа. В истории каждого народа на том или ином этапе развития выступает как необ-

ходимая одна какая-то идея, и пока она не будет исполнена, не начнется новый период. Однако народ в истории всегда выдвигает своих лидеров, проводников одной ведущей идеи, сам он при этом кажется незаметным, следов не оставляет, но можно понять, какова была задача и каким способом решалась, если рассмотреть этот «народный заказ» через призму того или иного вождя – царя, государственного деятеля или даже мятежника. Поэтому-то он и говорил, что **«нет возможности иметь дело с народными массами, она (история. – Автор) имеет дело только с представителями народа...»**

Это одна из причин, почему Соловьев много внимания уделял личности исторических персонажей, пытаясь разглядеть в них тот самый «народный заказ». Народ у него, как в трагедии Пушкина «Борис Годунов», находится где-то в темноте, за задником сцены, он безмолвствует. Но царь, князь или мятежник говорят вместо этого молчаливого персонажа в потемках сцены. К тому же действия народа определяются борьбой между двумя силами: одна стремится вести вперед, к цели, другая, косная, желает остановить прогресс.

Соловьев считал, что ведущая прогрессивная цель – это идеалы христианского мировоззрения (они по сути и вправду неплохи, недаром автор двенадцатитомной биографии Христа назвал того первым социалистом), но достичь этой цели не дает то, что батюшки именуют грехами, а историки – ограниченностью человеческого материала. Вот и получа-

ется, что вместо победоносного шествия к всеобщему благоденствию народы воюют за балтийский берег или штурмуют Казань. Но даже решение такой вроде бы не совсем связанной с христианскими идеалами задачи все же продвигает народ еще на крохотный шаг вперед. Шаг за шагом наиболее длительная и важная задача оказывается решенной, тогда завершается один период в истории и начинается другой. В связи с этим Соловьев объяснял, что разделить русскую историю на периоды можно лишь условно, а не как Карамзин на Древнюю, Среднюю и Новую. Напротив, нужно «не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснить каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию...»

Условно он разделил историю России на четыре эпохи: от Рюрика до Андрея Боголюбского, то есть самую раннюю эпоху, когда главенствовали родовые отношения и народ переживал время «эмоций»; от Андрея Боголюбского до Романовых, когда создавалось государство (в том числе эту эпоху можно еще разделить на три: от Андрея до Ивана Калиты, период борьбы родовых отношений с государственными и победы последних; от Калиты до Ивана Третьего, или период централизации вокруг Москвы; от Ивана Третьего до Ро-

мановых, период полной и безоговорочной победы государственности); от Михаила Романова до середины XVIII века, когда Россия достаточно «повзрослела», чтобы вступить в союз с западными странами; от середины XVIII века до отмены крепостного права в 1861 году, когда страна избавилась от многовекового наследия прошлого, то есть период новой истории. Предшествовавшие Соловьеву историки делили прошлое страны на гораздо более мелкие этапы, в целом – по княжениям и царствованиям. Соловьев «укрупнил» эти периоды, перешел от частных задач и событий к более широкому и масштабному полотну, показывающему начало вопроса, ход решения, итог. И история сразу же перестала быть просто чередой княжений и царствований, а наполнилась смыслом. Сегодня мы к этому давно привыкли. Во времена Соловьева такой подход к периодизации истории был революционным. Впрочем, это слово Соловьев не любил. Он считал, что революции никуда не продвигают народы, а только отвлекают внимание от насущных проблем. Движение по пути прогресса должно быть постепенным, поступательным, а революционные события происходят рывками, что для плавного и полноценного течения истории неприемлемо. Точно так же, как к революции в материальном мире, он относился и к резкой смене научных взглядов.

«Жизнь имеет полное право предлагать вопросы жизни, – писал он, – но польза от этого решения для жизни будет только тогда, когда, во-первых, жизнь не будет торопить науку

решить дело как можно скорее, ибо у науки сборы долгие, и беда, если она ускорит эти сборы, и, во-вторых, когда жизнь не будет навязывать науке решение вопроса, заранее уже составленное вследствие господства того или другого взгляда; жизнь своими достижениями и требованиями должна возбуждать науку, но не должна учить науку, а должна учиться у нее».

Грубо говоря, для науки, если иметь в виду сбор фактического материала, это хорошо, поскольку не позволяет подгонять факты под новую теорию, а заставляет выводить новую теорию или новое правило согласно имеющимся фактам. В жизни, конечно же, революции происходили без всякого спроса у Соловьева. Россия, которая тоже находилась уже в преддверии революционной ситуации, поступательным путем Соловьева не пошла. И понятно, что сторонники радикального решения наболевших вопросов к трудам Соловьева относились прохладно. Но при всей холодности из-за расхождения во взглядах на возможность изменить жизнь одним махом труды эти они читали. Сами подумайте, кого они могли бы еще читать? Не Карамзина же, с умильным выражением лица созерцавшего своих высокородженных героев? И не Татищева же, языка которого не понимали? А Ключевскому в год смерти Соловьева было еще 38 лет, и он только-только начинал работу над своей «Историей».

Начиная *свою* «Историю», Соловьев сразу же обращал взгляд к разноплеменному составу будущей страны и осо-

бенностям рельефа Восточно-Европейской равнины. Он сетовал, что западным странам гораздо больше повезло с рельефом, где существовали естественные границы между районами, потому легче и быстрее создавались нации, ограниченные природными рамками. В России же таких разделов практически не было, племена могли легко перемещаться, и централизовать их и выкристаллизовать из родового строя государственность и нацию оказалось гораздо сложнее. Нация произошла в результате племенного смешения. Соловьев был убежденным сторонником арийской доктрины (тут не имеется в виду нацистская теория Третьего Рейха!), арийцами он считал славян. И его государственное объединение ариев – это объединение всех славянских племен. В его время, когда русско-турецкие войны анонсировались как войны за освобождение славян от турецкого ига, это была тема актуальная. Историк искренне верил, что славянам-ариям будет лучше жить в одном славянском государстве, чем под властью турок. Видимо, он верил, что, в конце концов, славяне выполнят свою историческую задачу, то есть сольются в единую братскую семью. Наши уже советские политики в этом плане действовали точно таким же способом, что и царские генералы, – они тоже стремились объединить всех славян и даже сумели их объединить почти на полвека, пусть и не в единое государство, но в страны СЭВ, подконтрольные Москве. Знал бы Соловьев, что за святое объединение ждет его братьев-славян, может быть, не высказал бы своей завет-

ной мечты о добровольном единении славянских ариев!

Как бы то ни было, но в единении разрозненных славянских племен на Восточно-Европейской равнине он видел только благо. Именно здесь были основаны первые княжества, начался переход от родовых отношений к более прогрессивным, государственным. Все время Киевской Руси Соловьев вовсе не считал государственным. Для него это было время торжества родовой собственности и родовых отношений. Вся днепровская земля оказалась во владении одного рода – Рюриковичей, которые, тем не менее, никакого государства не создали. Напротив, с потомков Ярослава начались страшные междоусобные войны, которые разрушали землю и не могли ничего дать. Современные историки находят в Киевской Руси все признаки государственности, Соловьев их в упор не видел. Он скрупулезно изучил генеалогию князей и летописные события и пришел к выводу, что, хотя там существовали города, государства как такового не имелось. Неспособность к созданию государства он выводил из особенностей южного характера (осевшие на юге варяги-Рюриковичи быстро утратили свой северный потенциал) – мягкая природа, хорошие земли, удачные для торговли места выработали характер ленивый, вспыльчивый, незаконопослушный, то есть совершенно не приспособленный к образованию государства. Вот это существование общей родовой собственности и нежелание упорно трудиться и помещали киевлянам начать сбор земель и создание государства.

Потому Киевская Русь и погибла. Пришел Чингисхан – и погибла. А северо-восточная новая земля – напротив.

Стимулом к ее объединению как раз и стало иноплеменное нашествие из Сибири войск Чингисхана. Пока страна находилась под вражеским игом, в ней вызревала необходимость стать сильной, родилась и упрочивалась государственность, Москва стала стягивать вокруг себя славянские земли, началась колонизация не заселенных славянами территорий. На протяжении всего этого периода рождения русского государства происходила борьба между «лесными», то есть славянскими, и «степными», то есть тюркоязычными народами. И если Лев Николаевич Гумилев видел наших предков детьми Великой Степи, то Сергей Михайлович Соловьев их видел детьми Великого Леса. По Соловьеву, Великий Лес, в конце концов, победил Великую Степь.

Соловьев даже объяснял, почему жители глухого северо-восточного угла смогли объединить все земли и справиться с Великой Степью. Самой природой они были подготовлены к такому подвигу. Лес закалил их, научил выживать в самых трудных и гибельных условиях, он же помог им прятаться от врагов, наращивать капитал и силы, и в конце концов возмужавший северо-восток справился с поставленной задачей – то есть родил Московское царство.

«Народонаселение с таким характером в высшей степени способно положить среди себя крепкие основы государственного быта, подчинить своему влиянию племена с ха-

рактором противоположным», – сделал вывод Соловьев.

Иными словами, северо-востоку было назначено свыше родить государство и начать расширяться, колонизируя земли на юге, севере и востоке. Даже в самой особенности восточно-европейской равнины он видел ее предназначение. стать землей единого государства, поскольку на этой равнине нет разделяющих ее гор, и лежит она, ровная и обширная, от Балтийского и Белого морей на севере до Черного и Каспийского на юге. Только на востоке, за Волгой, начинается Уральский хребет. Но освоение и присоединение Сибири – это уже более поздняя эпоха. Совершенно искренне Соловьев считал, что жители этой восточно-европейской равнины спасли Западную Европу от монгольского вторжения. Россия, говорил он, никогда не вела захватнических войн, только освободительные: «отстаивалось не материальное благосостояние... но независимость страны, свобода жителей...» Так было во время половецких набегов, так было во время набегов дикой Литвы, так было во время рыцарских рейдов, так было и во время монголов. Правда, наряду с вышеназванными врагами Соловьев указывал еще одного, очень вредного и очень неприятного – казаков. Только разумная политика, заставившая Хмельницкого «передаться» под руку Москве, положила конец этим южным войнам.

Соловьев не оправдывал крепостное право, но пояснял, что иного способа упрочить государственность и накормить народ просто не было. Он говорил, что на столь обширной

территории возможна одна лишь организация рационального хозяйства – помещная. Поместья давались служилому дворянскому сословию, но без насельников эти земли ничего не значили, поскольку их требовалось обрабатывать. Был только один способ удержать людей на дворянской земле – закрепить. Прикрепленные к земле и хозяину люди не могли теперь уйти куда глаза глядят. Они вынуждены были смириться. Так на несколько веков установилось крепостное землевладение. В том веке, когда со свободными крестьянами произошла такая неприятность, заключает он, иначе и быть не могло: государство, дав земли, должно было дать и работников, поскольку иначе дворянин не мог служить, то есть не мог выполнять своей государственной работы. И для средневековья это было явление прогрессивное, оно помогло укрепить силы государства. Эта участь не миновала и посадских горожан, которые «под смертной казнью должны были сидеть, работать и платить ратным людям на жалованье, кормить воеводу». Странно, но он не видел разницы между положением посадских людей и крепостных крестьян! И вовсе не считал крепостное право злом, во всяком случае в XV–XVII в. В родном XIX веке он был вполне нормальным либерально настроенным человеком и искренне желал, чтобы крепостной кошмар завершился. Объяснение этому он тоже видел простое: крепостное право мешает прогрессивному поступательному движению общества, но уничтожить этот порок развития нельзя снизу (то есть революционным

путем), а можно только сверху, реформами. И когда таковая отмена случилась в 1861 году, он ее горячо приветствовал.

Русское государство успешно развивалось от единодержавия к самодержавию, становясь из Великого княжества Царством, а затем Империей. Этому государству удалось сломить самовластие князей, отменить удельную систему, изъять власть из рук бояр. В этом он видел прогрессивное значение царствования Ивана Грозного. Опричнину, в отличие от других историков, он считал не позором XVI века, не кошмаром, а слишком радикальным, но благим для упрочения государственности решением царя. Подводя итог своим размышлениям по поводу опричнины, он сказал, что таким способом при Иване Грозном происходила борьба старого с новым.

Новое победило.

Ивану удалось полностью разрушить родовые отношения и создать государственные, и теперь на очередь выходила задача сближения со странами Западной Европы. Эту задачу выполнил другой царь – Петр Великий.

«Бедный народ, – писал Соловьев, – осознал свою бедность и причины ее чрез сравнение себя с народами богатыми и устремился к приобретению тех средств, которым заморские народы были обязаны своим богатством». Народ выдвинул своего вождя – Петра Алексеевича, который провел необходимые реформы, выиграл Северную войну, закрепился на Балтийском море, возвел новую столицу – своего

рода символ создания современного сильного государства. Реформы Петра он считал разумными, необходимыми и плодотворными. Благодаря этим реформам Россия заняла достойное место среди других стран и стала влиять на европейские события. В этом историк видел достоинства разумно построенного Петром государства. Время Петра, реформы, связь тогдашней русской жизни с западными событиями так его интересовали, что отрезок времени в полстолетия занял у Соловьева целых четыре тома! Он считал, что для благополучия государства необходимо было и далее следовать путем Петра, развивая и усовершенствуя его реформы, приближая русский быт к западному, но в то же время он обращал внимание, что при этом не стоило безоглядно приглашать на службу иностранных граждан, русские должны «дорости» до уровня иностранцев, чтобы успешно с ними конкурировать. Однако после Петра произошел откат назад, и только через длительное время удалось вернуть страну в русло петровских реформ. В культурном отношении страна все равно отставала, поэтому главной задачей Екатерины Великой стало уничтожение культурного разрыва между Россией и западными странами. Именно поэтому императрица в основном делала упор не на усовершенствование материальной стороны жизни, а на развитие науки и искусства. Так примерно видел Соловьев поступательное движение русской истории с IX века до 1774 года, на котором его повествование оборвалось.

Если бы ученый прожил дольше, он бы, несомненно, довел свой труд до современности, однако «екатерининский» том оказался последним. Это ничуть не умаляет заслуг Соловьева. Он сделал все, что мог, даже более, чем мог. Работоспособность у него была удивительная. Мало того, что он издавал в год по тому, он еще и преподавал, и занимался административными делами Университета, находил время на общение с детьми (а их было много – восемь человек) и женой. Его современник, Безобразов, тоже историк, так описывал привычный распорядок дня Соловьева: он —

«...известен был как самый аккуратный профессор в университете. Он не только не позволял себе пропускать лекций даже при легком нездоровье или в дни каких-нибудь семейных праздников, но и никогда не опаздывал на лекции, всегда входил в аудиторию в четверть назначенного часа минута в минуту, так что студенты проверяли часы по началу соловьевских лекций... Он вставал в шесть часов и, выпив полбутылки сельтерской воды, принимался за работу; ровно в девять часов он пил утренний чай, в 10 часов выходил из дому и возвращался в половине четвертого; в это время он или читал лекции, или работал в архиве, или исправлял другие служебные обязанности. В четыре часа Соловьев обедал и после обеда опять работал до вечернего чая, т. е. до 9 часов. После обеда он позволял себе отдыхать; отдых заключался в том, что он занимался легким чтением, но романов не читал, а любил географические сочинения, преимущественно

путешествия. В 11 часов он неизменно ложился спать и спал всего 7 часов в сутки».

А утром, пробудившись на рассвете, снова принимался за работу. Из дня в день. Из года в год. Даже в последний год, когда он чувствовал себя очень плохо, историк держался своего расписания. В последнее десятилетие жизни он чувствовал себя обиженным и ущемленным: после того, как он поднял голос в защиту права самоуправления родимым Университетом, реакционные профессора выжили его из Университета, историк сам подал прошение об отставке с поста ректора. Кроме «Истории Государства Российского» не осталось у него тогда ничего. С мыслями об «Истории» он закрывал глаза, с мыслями о ней пробуждался. Так он совершил свой трудовой подвиг. Согласны мы с ним или не согласны, но он сделал воистину великое дело! Можно сказать, он всю свою жизнь отдал музе Клио и создал для русских людей одно из лучших произведений по родной истории.

Между прочим, тайна «Истории Государства Российского» озвучена в самом названии. Это действительно история Государства, показанная через события, тексты и факты. Главное действующее лицо этого сочинения – Государство. Нас проводят через события и показывают персонажей, чтобы мы получше присмотрелись и разглядели, что же такое это Государство, как оно возникло, как росло, как крепло, как в конце из него, зачаточного, крохотного, слабого, образовалась могучая держава, по размеру – воистину третий

Рим. Поэтому, если Соловьев хвалит своего героя, Государство, не стоит ему за это пенять – это его герой. Он к этому герою и так старается относиться как можно более объективно. Он знает его успехи и его провалы, его национальные особенности и его заскоки, его силу и его слабость, и повествует он именно об этом растущем организме, которому для насыщения нужно много человеческого мяса, а для утоления жажды – много человеческой крови. В этом плане я вовсе не разделяю нежность к герою *Государству*, я его нередко попросту ненавижу, но если мне суждено свести

29 томов Сергея Михайловича Соловьева в один незначительный томик, то уж извините, мне придется говорить об этом монстре-Государстве словами ученого, и лишь изредка, в крайнем случае, я рискну высказать собственное мнение или мнение современных исследователей. Но вот что я вам гарантирую, так это включение в текст отрывков из средневековых книг и манускриптов, потому что нельзя просто читать историю по Соловьеву, лучше читать ее с Соловьевым по старинным летописям, хроникам и запискам. Именно так мы с вами и поступим: будем читать реальные тексты и внимать размышлениям историка Соловьева.

Часть первая: Киевская Русь (XI–XII века)

Концепция речных систем

Территория славян в IX веке

Первый вопрос, который всегда задает любой историк, начинающий описание событий в своем государстве, это вопрос происхождения самого народа. На вопрос «откуда есть пошла Русская земля» историк Соловьев отвечал просто: от обитавших на огромной восточно-европейской равнине многочисленных славянских племен. Со времен Геродота, впервые описавшего племена этой равнины, указывал историк, здесь многократно сменились народы, однако ход событий, тем не менее, всегда подчинялся природным условиям.

«Однообразие природных форм, – пояснял он, – исключает областные привязанности, ведет народонаселение к однообразным занятиям; однообразность занятий производит однообразие в обычаях, нравах, верованиях; одинаковость нравов, обычаев и верований исключает враждебные столкновения; одинакие потребности указывают одинакие сред-

ства к их удовлетворению; и равнина, как бы ни была обширна, как бы ни было вначале разноплеменно ее население, рано или поздно станет областью одного государства: отсюда понятна обширность Русской государственной области, однообразие частей и крепкая связь между ними».

Иными словами, сама природа диктовала, как должна сложиться судьба племен, оказавшихся на бескрайней лесистой равнине. Можно сказать, что эта природа требовала создания именно такого государства, которое в результате и получилось.

С юго-востока эта равнина граничила с беспокойными кочевыми племенами, приходившими постоянно из Азии и господствовавшими по берегам Волги, Дона и Днепра. Эти кочевники довольствовались набегами, не оседая на равнине. Но для того, чтобы совершать набеги, нужно иметь тех, на кого их совершать. Таковыми были пришедшие с запада славянские земледельческие племена, которые нашли себе новые богатые земли и осели на Днепре. Эти племена все время порывались расширить свои владения далее на восток, но там их встречали кочевники, поэтому очень долго славяне компактно жили в районе Днепра, понемногу отвоевывая земли на востоке. И это медленное завоевание востока тянулось веками, пока, в конце концов, славянам не удалось закрепиться в волго-вятском междуречье и создать там новый и очень сильный центр, способный противостоять кочевникам. Кроме азиатских кочевников славянским племене-

нам на протяжении всей истории сильно мешали и собственные мятежники, уходившие в привольные южные степи, чтобы жить по собственному пониманию – то есть совершать дерзкие вылазки, грабить купцов, захватывать в плен и вести вполне разбойный образ жизни.

«Вследствие этого южные степные страны России по течению больших рек, – писал историк, – издавна населялись козацкими толпами, которые, с одной стороны, служили пограничною стражею для государства против кочевых хищников, а с другой, признавая только на словах зависимость от государства, нередко враждовали с ним, иногда были для него опаснее самих кочевых орд. Так Россия вследствие своего географического положения должна была вести борьбу с жителями степей, с кочевыми азиатскими народами и с козаками, пока не окрепла в своем государственном организме и не превратила степи в убежище для гражданственности».

Так что у будущего государства Российского было два врага: иноземные захватчики и казаки. Когда государство набрало силу, оно смогло обезопасить себя от врагов и в то же время приручило казаков, поставив их на государственную службу.

Но вернемся к началу времен. Славянские племена, расселяясь по восточно-европейской равнине, селились по берегам крупных рек. При движении с запада на восток и с юга на север они столкнулись с финскими племенами. Столкновение, как говорит Соловьев, было мирным. Он считает, что

земля, куда пришли славяне, никому не принадлежала. Так что скоро финские и славянские племена стали соседями, а затем финские племена ославились.

«В начале нашей истории, – пишет он, – мы видим, что славяне и финны действуют заодно; каким образом ославились финские племена – меря, мурома, каким образом Двинская область получила русское народонаселение и стала владением Великого Новгорода? – все это произошло тихо, незаметно для истории, потому что здесь, собственно, было не завоевание одного народа другим, но мирное занятие земли, никому не принадлежащей».

Забегая вперед, ученый добавляет, что и заселение Сибири, огромной территории до Тихого океана, тоже было исключительно мирным, ознаменованным разве что незначительными стычками. Поэтому, по его мнению, нужно говорить не о завоевании новых земель, а о колонизации, то есть расселении народа и расширении государства:

«...В русской истории мы замечаем то главное явление, что государство при расширении своих владений занимает обширные пустынные пространства и населяет их; государственная область расширяется преимущественно посредством колонизации: господствующее племя – славянское – выводит поселения свои все далее и далее в глубь востока».

Далее историк добавляет сакраментальную фразу: «... Всем племенам Европы завещано историею высылать поселения в другие части света, распространять в них христиан-

ство и гражданственность; западным европейским племенам суждено завершать это дело морским, восточному племени, славянскому, — сухим путем».

Это уж воспринимайте согласно собственным воззрениям на бремя белого человека! Но для XIX столетия такая точка зрения была общепринятой. Сегодня от подобного восклицания мы отшатываемся, как от кошмара, но в мирном XIX веке, когда Англия была владычицей морей и владела Индией, российское государство вовсе не считало себя агрессором и узурпатором, владея всей Сибирью, Средней Азией, Прибалтикой, Польшей, Молдавией и Аляской. Для Соловьева такое расширение государства было вполне закономерным и естественным процессом. Да и что говорить о преданном самодержавию Соловьеве. Даже его лучший ученик Ключевский, перечисляя народных представителей на одном из собраний XIX века, именует туземных сибирских князьков не иначе как «зверьки». А уж не в пример Соловьеву Ключевский был полнейший демократ. Как видите, современное понимание колонизации как государственной гнусии весьма расходится с либеральным мнением середины XIX века! Так что и читать Соловьева нужно в этом плане с поправкой на время: иначе вы случайно решите, будто читаете труд черносотенца или расолога, хотя это было всеобщее имперское мнение, и тут Соловьев никоим образом не выделялся. Вот теперь и задумайтесь. Может быть, то, в чем большевики обвиняли царскую Россию (хотя сами оказались

даже хуже), было правдой – я говорю об имперском шовинизме? Милый либеральный профессор Соловьев тоже разделял имперские амбиции. Смотреть на «мирную колонизацию» с точки зрения «зверьков» он даже и не пробовал!

Всю силу будущей русской нации и особенности ее сложения историк видел в реках. Еще Геродот ведь писал, что «в Скифии нет ничего удивительного, кроме рек, ее орошающих: они велики и многочисленны». Именно реки и дали основу будущей русской земле. Вся эта страна, по Соловьеву, представляла собой обширную речную сеть, идущую с юга на север и с запада на восток, по этим рекам и селились первые славянские племена. Границы рек определяли в сущности и границы будущих княжеств.

«По четырем главным речным системам, – пояснял Соловьев, – Русская земля разделялась в древности на четыре главные части: первую составляла озерная область Новгородская, вторую – область Западной Двины, то есть область Кривская, или Полоцкая, третью – область Днепра, то есть область древней собственной Руси, четвертую – область Верхней Волги, область Ростовская».

Новгородская земля

В этом плане особенное положение занимала Новгородская земля, которая граничила с Западом и не могла не принять в себя и некого западного элемента. И наиболее важ-

ным для русской истории элементом были балтийские варяги. Славянам удалось закрепиться в районе Новгорода, где позже возник и город, но на берегах Балтики осесть они не смогли, даже первоначально не сумели удержать местечко при слиянии Волхова с Ладожским озером.

«Если даже предположим, – развивал далее свою мысль Соловьев, – что Ладога существовала до прибытия Рюрика, то она находилась не при самом устье Волхова, и это положение ее показывает со стороны славян какую-то медленность, боязливость приблизиться к озеру Нево. Что касается реки Невы, то начальный летописец считает ее не рекою, а устьем озера в море;

Нева долго текла в дикой независимости, и короткий бег ее долго был свидетелем упорной борьбы между двумя народами – русскими и шведами. Русским удалось во время этой борьбы утвердиться на третьем важном пункте великого пути – при истоке Невы из Ладожского озера, где был построен Орешек; но потом эта крепость была уступлена шведам; Петр Великий взял ее снова и назвал Ключом-Городом (Шлиссельбургом); наконец, Петр успел овладеть течением Невы и укрепился на последнем, самом важном пункте озерной системы в начале великого водного пути, – именно при устье Невы в море, где основал Петербург».

Иными словами, славяне легко взяли под контроль и присоединили южные, юго-западные и северо-западные земли, но даже сильному Новгороду не удалось укрепиться на бере-

гах Балтики, шведы оказались серьезным соперником, они и держали Балтику до эпохи Петра. Это удивительно, но и на самом деле все так и было: Новгород владел огромной территорией вокруг Балтики, но не на побережье. Для того, чтобы покорить районы вокруг Невы, где позже Петр возвел столицу Российской империи, потребовалось без малого 900 лет.

Граница новгородской земли с соседями тоже проходила по рекам: на юге граница со Смоленским и Полоцким княжеством лежала по волоку, то есть по сети рек, которые использовались для перехода из бассейна Ильменя в Западную Двину, на востоке такой границей с Владимирским и Суздальским княжествами был волок в верховья Волги, по речке Медведице, а поскольку восточная граница была обширная, то по всей ее длине существовало множество подобных волоков – Торжок, Волок-Ламский, Бежецк, за которыми начиналась уже Ростовская земля, новгородские фактории лежали и далеко на восток от других русских земель – на Онеге, Северной Двине и далее до самого Уральского хребта. И везде границы Новгорода обозначались волоками. На западе граница долго шла по границе псковских земель, союзной Новгороду республики, которая входила в состав новгородской практически до XIV века. Славяне-новгородцы поделили земли с финнами по такому принципу: низменные места достались финнам, возвышенности – славянам. Правда, земледелие на новгородских землях оказалось не слишком продуктивным, даже на возвышенностях, так что, в конце кон-

цов, они открыли для себя другой путь существования: стали торговать. Благодаря разветвленной системе рек и озер это оказалось куда как более доходным предприятием. О том, что с хлебопашеством в северной новгородской земле было плохо, говорит такой факт, что жителям республики приходилось закупать хлеб в низовских землях, то есть в южных к Новгороду районах, где образовывалось свободное зерно на продажу. В то же время Новгород быстро стал важным центром торговли всей северной Руси с Западом. Но торговые западные города лежали от Новгорода далеко, а низовские, московские земли – рядом. И, как говорит Соловьев, «сама природа не позволяла Новгороду быть долго независимым от Восточной Руси», откуда город получал свой хлеб.

Соловьев не считал, что описанный летописцами путь из варяг в греки когда-либо существовал и новгородцы ходили из своего города до Константинополя.

И в этом он был прав. Путь, ведущий от Новгорода на юг, кончался бассейном Ильменя. Известно, что был некий волок между Ловотью и Днепром, историк восстанавливал этот волок таким образом: сначала по речке Сереже, «до тридцативерстного волока к Желну на реке Торопе, потом вниз Торопою до Двины, Двиною к устью Косопли (Каспли) и этою рекою вверх до озера Касплинского и волока при Гавринах в Порецком уезде с переездом по суше тридцати верст». Для груженных торговых судов – перемещение немыслимо тяжелое, если не безнадежное. Но вот

князья-завоеватели из скандинавов могли пройти такой путь с войском, перетаскивая военные дракары. И они не могли миновать Полоцкой области, где благополучно осели, так же как и в Новгороде, поставили городки и закрепились в верхнем и среднем течении Западной Двины.

Полоцкая земля

Именно в этой земле и образовалось соседнее Пскову и Новгороду Полоцкое княжество – нередко союзник, нередко враг. Однако верховья Западной Двины Полоцкому княжеству не принадлежали: за эти верховья шли постоянные войны, начиная с потомков Изяслава Владимировича и его брата Ярослава, то есть между князьями полоцкими и южными. Почему? Да потому, что путь «из варяг в греки», то есть из Новгорода в Черное море, шел по речке Торопа, где далее появилось Торопецкое княжество. Этим торопецким путем владели Ярославичи. За речку Торопу и верховья Двины Ярослав отдал полоцкому князю Брячиславу Витебск и Усвяты. Торопецким княжеством владели потом Мстиславы торопецкие, которые служили посредниками между новгородской землей и южной Русью. На востоке граница Полоцкого княжества шла по Двине, на юге – по Днепру, на западе – по Неману. Чуть южнее Полоцкого княжества лежало Минское, сосредоточенное на берегу Днепра. Получив Новгород, покорив Полоцк, варяжские дружины следом взя-

ли Минск – очередной рубеж при движении к югу. Рассматривая «Повесть временных лет», то есть «Начальную летопись», Соловьев указывал, что на берегах Днепра в районе Минска жило племя дреговичей, о покорении которых нет в ней ни слова, следовательно, племя было покорено еще во времена Рюрика, до похода Олега на Киев. И заняты эти земли были «полоцкими державцами», почему летопись о покорении дреговичей и молчит. И борьбой за Двину и беспрепятственный пропуск на юг, собственно, и объясняются войны киевских князей с Полоцком, а также известный факт захвата Владимиром Святым дочери Рогволода и уничтожения остального его семейства. В конце концов земли Полоцка и позднее Минска были возвращены прежним владельцам, но припятские земли так и остались во владении южных Яро-славичей. Поскольку полоцкие и минские земли плодородны в той же степени, что и новгородские, это рано обратило их обитателей к более сподручному труду – то есть к торговле. Полоцк, как и Новгород, стал одним из центров торговли с Западом, благо что он лежал еще ближе к зарубежной Европе, чем Новгород. Так что Полоцк, Витебск и соседний Смоленск тоже развивались как торговые города. Торговали они с «заморскими», то есть западными странами. Западнее Полоцкого княжества за Неманом лежали литовские земли, которые служили буферной зоной между Русью и Польшей. Польша, лежавшая по Висле, в свою очередь служила буфером между Литвой и немцами. Ятвяги и литовцы, пишет ис-

торик, спаслись от немецкого завоевания в лесах и болотах, они «долее всех своих соседей сохраняли дикость первоначального быта, они набегали на окрестные страны, но сами были недосыгаемы в своих неприступных природных укреплениях». Эти дикие леса приняли также и бежавших от немцев пруссов. Существование разветвленной речной системы в Литве и Польше историк считал очень важным фактором, определившим отношения между Русью и соседями: благодаря системе волоков из русских речек в литовские и затем в польские Русь не была изолированной, она поддерживала отношения с западом. Скажем – со славянским западом.

Днепровская земля

Зато на юго-западе располагалась собственно Древняя Русь. То есть Днепровская Русь, включающая княжества Киевское, Переяславское, Черниговское, Смоленское, Волыньское, Туровское. Здесь уж точно находился путь из варяг в греки – великая река Днепр. Этот осевой путь историк считал необычайно важным, поскольку он связывал далекий северо-запад и юго-восточную Европу: первый дал правящих князей, Рюриковичей, вторая – правящую церковь, православное христианство. А кроме того, именно Днепру были обязаны славянские племена развитием городов и торговли. Однако, что характерно, устье Днепра Киеву не принадлежало, то есть как речь заходила о выходе к морю, Балтийско-

му или Черному, оказывалось, что у этого выхода есть иной хозяин. Так что задачей русского государства с первых же веков стало продвижение на берега морей, чтобы там укрепиться и сделать эти земли своей территорией. Так что по Соловьеву выходит, что русская государственность распространялась, грубо говоря, по рекам – от верховьев к устьям, то есть от центра к морям.

Однако Соловьев считал, что южные земли никак не могли стать центром русской государственности. Объяснял он это географическим положением южной Руси. Северо-восточные земли для государственного ядра подходили куда как лучше. Но вся древняя русская история творилась на южных землях, это была своего рода репетиция будущего величия лесного северо-востока. Оставим это мнение на совести историка. Киевскую Русь он государством не считал. В Киевской Руси вызревал северо-восток, уничтожались родовые отношения. Рассматривая географию и речные системы юго-запада, он писал:

«Древнюю Русь в самом тесном смысле этого слова составляла страна около Киева, на западном берегу Днепра, земля полян. Область Киевского княжества в первоначальном виде, как досталась она Изяславу I, заключала в себе земли полян, древлян и отчасти дреговичей; естественными и приблизительными историческими границами его были: к востоку – Днепр; к северу – водораздел между речными областями, собственно Днепровскою и областью Припяти, по-

том водораздел между областью Припяти и Немана; к западу – водораздел между Западным Бугом и Вислою; к югу – сначала водораздел между областью Припяти, Днестра и Буга, потом – река Рось, по которой начиная с XI века видим уже военные поселения, зерно козачества. Почему река Рось служила в древности южною границею и Киевского княжества, и всех русских областей, это объясняется также природою: к югу от этой реки, в южной части нынешней Киевской губернии, почва принимает уже степное свойство, луга здесь степные. Область княжества Владимиро-Волынского заключала в себе землю бужан (славянского племени, жившего по Западному Бугу) и принадлежала, с одной стороны, к системе вислинской, а с другой, чрез притоки Припяти, к днепровской, посредничала между Русью и Польшею. Это положение Владимиро-Волынской области на отдельной от Днепра речной системе объясняет отчасти, почему Волынь отделяется от собственной Руси и вместе с Галичем образует особую систему княжеств, отдельность речной системы объясняет также и раннюю особность Галицкого княжества, лежащего по вислинской и днепровской системам. На восточной стороне Днепра притоком последнего, Десною, привязывалась к Киевской области и область Черниговская, лежащая по Десне и ее притокам. Тщетно князья хотели делить Русь Днепром на две отдельные половины – Десна привязывала Чернигов к Киеву так же крепко, как и родовые отношения Святославичей и Мономаховичей; тщетно потом поль-

ское правительство хотело разделиться Днепром с Москвою, это деление было кратковременно. Река Сейм, приток Десны, привязывала к Чернигову область Курскую. На южной оконечности нынешней Черниговской губернии находится возвышенность, дающая начало рекам, изливающимся отсюда в Полтавскую губернию, Трубежу, Супою, Удаю и Ромну; этот водоспуск в древности отделял область Черниговского княжества от области Переяславского. На верхнем Днепре, и, следовательно, в тесной связи с Киевом находилась область Смоленского княжества. Смоленск находился в области кривичей, которые сели на верховьях рек Волги, Днепра и Двины, из этого положения легко видеть важное значение Смоленской области, находившейся между тремя главными частями Руси – между областью Волги, Днепра и Двины, то есть между Великою, Малою и Белою Россиею; держа ключи ко всем этим областям, смоленские князья держат Новгород в зависимости от Южной Руси, стерегут Днепровье от притязаний северных князей, принимают самое деятельное участие в расприх последних с южными, являются главными деятелями в истории Юго-Западной Руси (с тех пор, как волынские князья обращают все свое внимание на запад), борются с Волынью и Галичем за Киев и во время этой борьбы крепко держатся связи с севером, с Новгородом и Волжскою областью».

Как видите, вся будущность юго-запада была заключена в речных системах. Даже войны за Смоленск, который пере-

ходил как красное знамя от Московии к Литве и от Литвы к Московии в более позднем времени, историк тоже связывал с системой водных путей. Почва в Смоленском княжестве, говорил Соловьев, не самого лучшего качества, в северной части княжества она так и вовсе не плодородная, зато речная система очень способствует торговле – то есть Смоленск тоже был городом сугубо торговым.

Волго-Окская земля

Но главное внимание Соловьев обратил на северо-восток, на будущие земли Московии. Они в качестве ядра наилучшим образом подходили для государства. Важное место он отводит Ростовскому княжеству, которое имело тесные связи с Новгородом. По Соловьеву выходило так, что на этих землях издревле жили финские племена, которые вместе с новгородцами сбросили «иго» неких первоварягов и призвали на княжение варяжских князей, дабы положить предел грабительским набегам и грабительской дани. Поскольку «Начальная летопись» ни словом не упоминает о завоевании этих финских народов, он делал вывод, что племена эти не только не были покорены славянами, но совместно принимали решение о призвании князей. Тесную связь Ростова с новгородцами он объясняет все теми же речными системами:

«Белоозеро связано с Ростовом водною нитью, эта нить

есть река Шексна, которая вытекает из Белоозера и впадает в Волгу у нынешнего Рыбинска; Ростов же находится при озере Неро, из которого течет Которость, впадающая в Волгу при Ярославле. Варяги, овладевшие Белоозером, необходимо должны были спуститься вниз по Шексне к Волге, отсюда вниз по Волге до Которости и ею вверх до Ростова». Лежащие по Волге области и становятся истоком будущей государственности. Соловьев замечает, что «историческое деление Русской государственной области на части обуславливается отдельными речными системами, ясно, что величина каждой части будет соответствовать величине своей речной области; чем область Волги больше области всех других рек, тем область Московского государства должна быть больше всех остальных частей России, а естественно меньшим частям примыкать к большей – отсюда понятно, почему и Новгородская озерная область, и Белая, и Малая Русь примкнули к Московскому государству».

Такое «географическое» объяснение русской истории, конечно, в наши дни выглядит наивным и забавным, тем более что действительности оно не соответствует. Но в середине XIX века мнение Соловьева было почти что революционным. Ведь до этого география как фактор развития страны никак не учитывалась, самое большее, что делалось, так рассматривались взаимоотношения между отдельными княжествами. И принятие тех или иных решений, политика, которую эти княжества вели, объяснялись личными качествами

князей. Соловьев попытался подойти к вопросу объективно. Эта объективность завела его в соперничество речных систем и природных особенностей русских земель. Так что не удивительно, зная развитие событий в нашей истории, он нашел объяснение, почему именно Москве было суждено начать объединительный процесс и породить государство. По поводу Москвы и ее географического чуда он говорит следующее:

«Что касается природы московского центрального пространства, то оно представляет обширную открытую равнину с умеренным климатом, эта равнина не везде равно плодородна и в самых плодородных местах уступает южным пространствам империи, но зато она почти везде способна к обработке, следовательно, везде поддерживает деятельность, энергию человека, побуждает к труду и вознаграждает за него, а известно, как подобные природные обстоятельства благоприятствуют основанию и развитию гражданских обществ».

Вот так, не больше и не меньше.

Прочтешь и подумаешь, что Москва – это не дикий медвежий угол, как позднее считал Ключевский, а тот благодатный Эдем, откуда вышло все человечество. Историк живописует события из истории московской Руси, особенно напирая на то, что именно этим северо-восточным князьям приходилось бороться с разного рода варварами, будь то кочевники или своя, родная, околomosковская мордва. И в итоге «ядро»

выходит полным победителем, справившись и с монголами, и с западной Литвой, и это «ядро» постепенно стягивает вокруг себя земли, соединяет их, утверждает на них единообразие закона и единую московскую власть. Укрепившись на всех речных системах и связав их между собой, Москва начинает подчинять и восточные речные системы, а вместе с ними и «малочисленные, разбросанные на огромных пространствах дикие народцы».

«Природа в удобстве водных сообщений, – делает Соловьев вывод, – везде дала предприимчивым русским дружинам средство с необыкновенною быстротою отыскивать новые земли для приведения их под высокую руку великого государя, и скоро русские грани касаются берегов Восточного океана».

Такая вот славная получается у нас история речных систем, сама собой порождающая государство.

Природа, порождающая государство

Ведь что получается?

Южные князья ничего хорошего создать не могли, поскольку жили они в замечательно плодородном районе, где природа является не врагом, а добрым товарищем.

«Природа роскошная, – пишет ученый, – с лихвою вознаграждающая и слабый труд человека, усыпляет деятельность последнего, как телесную, так и умственную. Пробужденный

раз вспышкой страсти, он может оказать чудеса, особенно в подвигах силы физической, но такое напряжение сил не бывает продолжительно».

Учитывая природу Приднестровья, можно только горько вздохнуть: не повезло южным князьям. Это из-за природы у них слабо трудились крестьяне, мысли в головах были праздные, а сердца вспыхивали от страсти, но на непродолжительное время. Словом, зря они перебрались из северного Новгорода в южный Киев, потому что расслабились и про государство не думали – усыплена у них была мозговая деятельность. Зато северо-восточные собраты поступили разумно, они перебрались в край, где «природа, более скупая на свои дары, требующая постоянного и нелегкого труда со стороны человека, держит последнего всегда в возбужденном состоянии», то есть пришлось им много думать, и додумались они до создания государства. Суровая действительность заставила этих северо-восточных князей выбрать единственно верный путь, и создали они, конечно, не такое праздное и свободное общество, как на юге: «среди природы относительно небогатой, однообразной и потому невеселой, в климате, относительно суровом, среди народа, постоянно деятельного, занятого, практического, чувство изящного не может развиваться с успехом; при таких обстоятельствах характер народа является более суровым, склонным более к полезному, чем к приятному; стремление к искусству, к украшению жизни слабее, общественные удовольствия материальнее, а все это

вместе, без других посторонних влияний, действует на исключение женщины из общества мужчин, что, разумеется, в свою очередь приводит еще к большей суровости нравов». Если перевести это на более понятный язык, так общество, созданное на северо-востоке, окажется ближе не к патриархальной пасторали, а к функциональной казарме. Для государства оно, конечно, хорошо. Для человека, естественно, гадко.

Но разве Соловьев говорит о человеке, о его благе?

Нет, он говорит о государстве.

А благо государства разительно отличается от блага человека.

По страницам древних книг

Дунайский исход

Славяне, которые пришли на днепровские земли, были некогда выходцами из Азии. Они утратили воспоминания и о пути, который проделали, и о вождях, которые их вели. В силу того, что письменностью они не обладали, то они и не оставили никаких записей об этом великом походе. В более близкое историческое время они оказались на Дунае – об этом имеются свидетельства античных историков. На Дунае обстоятельства сложились так, что у славян оказалось немало врагов: с севера их теснили германцы, с запада – кельты, с юга – римляне, с востока – новые азиатские переселенцы, двигавшиеся на запад. Соловьев пишет, что в силу этих причин, то есть постоянных военных конфликтов, славянам пришлось искать путь для отступления. Единственное направление, куда они могли уйти, был северо-восток. «Начальная летопись» сохранила предание об этом переселении.

«Спустя много времени сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. От тех славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своими от мест, на которых сели. Так одни, придя, сели на реке именем Моравы и прозвались моравы, а другие назвались чехи. А вот еще

те же славяне: белые хорваты, и сербы, и хорутане. Когда во-
лохи напали на славян дунайских, и поселились среди них,
и притесняли их, то славяне эти пришли и сели на Висле и
прозвались ляхами, а от тех ляхов пошли поляки, другие ля-
хи — лутичи, иные — мазовшане, иные — поморяне. Так же и
эти славяне пришли и сели по Днепру и назвались поляна-
ми, а другие — древлянами, потому что сели в лесах, а дру-
гие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговича-
ми, иные сели по Двине и назвались полочанами, по реке,
впадающей в Двину, именуемой Полота, от нее и назвались
полочане. Те же славяне, которые сели около озера Ильме-
ня, назывались своим именем — славянами, и построили го-
род, и назвали его Новгородом. А другие сели по Десне, и по
Сейму, и по Суле, и назвались северянами. И так разошелся
славянский народ, а по его имени и грамота назвалась сла-
вянской. Когда же поляне жили отдельно по горам этим, тут
был путь из Варяг в Греки и из Греков по Днепру, а в верхо-
вьях Днепра — волок до Ловоти, а по Ловоти можно войти в
Ильмень, озеро великое; из этого же озера вытекает Волхов
и впадает в озеро великое Нево, и устье того озера впадает
в море Варяжское. И по тому морю можно плыть до Рима, а
от Рима можно приплыть по тому же морю к Царьграду, а от
Царьграда можно приплыть в Понт море, в которое впадает
Днепр река. Днепр же вытекает из Оковского леса и течет на
юг, а Двина из того же леса течет, и направляется на север,
и впадает в море Варяжское. Из того же леса течет Волга на

восток и впадает семьюдесятью устьями в море Хвалиское. Поэтому из Руси можно плыть по Волге в Болгары и в Хвалысы, и на восток пройти в удел Сима, а по Двине – в землю варягов, от варягов до Рима, от Рима же и до племени Хамова. А Днепр впадает устьем в Понтийское море; это море слывет Русским, – по берегам его учил, как говорят, святой Андрей, брат Петра».

Мы ничего не знаем о том, какой враг изгнал славян с их дунайской земли, как, впрочем, не знаем из западных источников и самого имени «славяне». Римский историк Тацит называет их венедами (или венетами). Описывая новый для него народ, Тацит даже сомневается, к какой группе племен его причислить: с одной стороны, эти венеды народ суровый и воинственный, нравами похожий на сарматов, но в то же время образом жизни они отличаются от известных ему сарматов – не ездят в кибитках или на конях, а сражаются пешими и со щитами, к тому же они явно не кочевники – венеды строят дома и живут оседло как германцы. Так что, поразмыслив, Тацит причислил венедов к европейским народам. Историк VI века Иорнанд уже знает, что племя венедов разделилось на два – славян и антов. Первые поселились от верховья Вислы на восток до Днепра, а вторые – от Днепра до Днестра. Другой его современник знает венедов под именем споров, которое Соловьев трактует как сербов, а наши днепровские земли, по Прокопию, заселены на севере антами, а вокруг Азовского моря утургурами. Наша лето-

пись знает белых хорватов, сербов и хорутан, которые, переселившись на Днепр, поменяли и свое имя: теперь они стали называться по местам и рекам, на которых осели: днепровские славяне получили имя полян, осевшие в лесах по Днепру – древлян, припятские славяне стали называться дреговичами, двинские, осевшие на речке Полота, – полочанами, занявшие берега Сулы, Сейма, Десны – северянами, севшие на Буге – бужанами (позже волынянами), а ильменские сохранили общее наименование – просто славяне (или словене).

Основание Киева

Самое сильное племя называлось полянами. Эти поляне и основали город Киев. По летописи, «поляне же жили в те времена отдельно и управлялись своими родами; ибо и до той братии (о которой речь в дальнейшем) были уже поляне, и жили они все своими родами на своих местах, и каждый управлялся самостоятельно. И были три брата: один по имени Кий, другой – Щек и третий – Хорив, а сестра их – Лыбедь. Сидел Кий на горе, где ныне подъем Боричев, а Щек сидел на горе, которая ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, которая прозвалась по имени его Хоривицей. И построили город в честь старшего своего брата, и назвали его Киев. Был вокруг города лес и бор велик, и ловили там зверей, а были те мужи мудры и смыслены, и назывались они

полями, от них поляне и доньне в Киеве. Некоторые же, не зная, говорят, что Кий был перевозчиком; был-де тогда у Киева перевоз с той стороны Днепра, отчего и говорили: „На перевоз на Киев“. Если бы был Кий перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду; а этот Кий княжил в роде своем, и когда ходил он к царю, то, говорят, что великих почестей удостоился от царя, к которому он приходил. Когда же возвращался, пришел он к Дунаю, и облюбовал место, и срубил городок невеликий, и хотел сесть в нем со своим родом, да не дали ему живущие окрест; так и доньне называют придунайские жители городище то – Киевец. Кий же, вернувшись в свой город Киев, тут и умер; и братья его Щек и Хорив и сестра их Лыбедь тут же скончались».

Соловьев не полагается на слова летописца о происхождении Киева от племенного вождя Кия (хотя словообразование позволяет допустить, что Киев – производное от имени Кий), он считает этот текст древним преданием. Однако он говорит следующее:

«Жители Дуная и Днепра были единоплеменны, судя по сходству названий Киева и Киевца (если только последнее не явилось на Дунае во времена Святослава), точно так, как можно видеть признак общеславянского родства между племенами в сходстве названий Киева и Куявы польской, не предполагая, впрочем, здесь связи более тесной».

Заметим, что в арабских источниках днепровский Киев также именуется Куявой. Этому городку полян впереди бы-

ла славная судьба. Киев стал главным городом Днепровской Руси, хотя изначально он считался племенным центром полян.

Племена Днепровской Руси

Называет летопись и другие племена:

«И после этих братьев стал род их держать княжение у полян, а у древлян было свое княжение, а у дреговичей свое, а у славян в Новгороде свое, а другое на реке Полоте, где полочане. От этих последних произошли кривичи, сидящие в верховьях Волги, и в верховьях Двины, и в верховьях Днепра, их же город – Смоленск; именно там сидят кривичи. От них же происходят и северяне. А на Белоозере сидит весь, а на Ростовском озере меря, а на Клещине озере также меря. А ПО реке Оке – там, где она впадает в Волгу, – мурома, говорящая на своем языке, и черемисы, говорящие на своем языке, и мордва, говорящая на своем языке. Вот только кто говорит по-славянски на Руси: поляне, древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, северяне, бужане, прозванные так потому, что сидели по Бугу, а затем ставшие называться волянянами. А вот другие народы, дающие дань Руси: чудь, меря, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, нарова, ливы, – эти говорят на своих языках, они – от колена Иафета и живут в северных странах. Когда же славянский народ, как мы говорили, жил на Дунае,

пришли от скифов, то есть от хазар, так называемые болгары, и сели по Дунаю, и были поселенцами на земле славян. Затем пришли белые угры и заселили землю Славянскую. Угры эти появились при царе Ираклии, и они воевали с Хосровом, персидским царем. В те времена существовали и обры, воевали они против царя Ираклия и чуть было его не захватили. Эти обры воевали и против славян и притесняли дулебов – также славян, и творили насилие женам дулебским: бывало, когда поедет обрин, то не позволял запрячь коня или вола, но приказывал впрячь в телегу трех, четырех или пять жен и везти его – обрина, – и так мучили дулебов. Были же эти обры велики телом, и умом горды, и Бог истребил их, умерли все, и не осталось ни одного обрина. И есть поговорка на Руси и донине: „Погибли, как обры“, – их же нет ни племени, ни потомства. После обров пришли печенеги, а затем прошли черные угры мимо Киева, но было это после – уже при Олеге. Поляне же, жившие сами по себе, как мы уже говорили, были из славянского рода и только после назвались полянами, и древляне произошли от тех же славян и также не сразу назвались древляне; радимичи же и вятичи – от рода ляхов. Были ведь два брата у ляхов – Радим, а другой – Вятко; и пришли и сели: Радим на Соже, и от него прозвались радимичи, а Вятко сел с родом своим по Оке, от него получили свое название вятичи. И жили между собою в мире поляне, древляне, северяне, радимичи, вятичи и хорваты. Дулебы же жили по Бугу, где ныне воляныне, а уличи и ти-

верцы сидели по Днестру и возле Дуная. Было их множество: сидели они по Днестру до самого моря, и сохранились города их и доныне; и греки называли их „Великая Скифь“».

Славянские племена перечислены в нашей летописи в таком порядке: поляне, древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, северяне, бужане (волыняне), радимичи, вятичи, хорваты, дулебы, угличи, тиверцы, кривичи, дулебы и «многочисленные племена, у которых были города, существовавшие до времен летописца». Соловьев реконструирует путь восточных славян так: они ушли из Галиции от хорватов на берега Днепра, а уже оттуда началось расселение славян далее на восток и север. Переселенцы селились не в пустых землях, а рядом с иноязычными (финскими и прибалтийскими) народами – весью, мерей, муромой, черемисами, чудью, мордвой, пермью, печерой, ямью, литвой, зимиголой, корсью, наровой, ливами. Главных славянских племен было пять – поляне, древляне, дреговичи, славяне новгородские и полочане, остальные, очевидно, ответвились от них. Путь славян выглядит так: вверх на север по западной стороне Днепра и снова на юг – по восточной. Дулебы, бужане, угличи, тиверцы, радимичи и вятичи появились в качестве второй волны переселения, их путь неизвестен. Ясно одно: они сели в местах, которые еще не были заняты первой волной переселенцев. Радимичам пришлось вообще занять свободную пока что речку Сожь, а вятичам – Оку, поскольку земли между Сожью и Окой по реке Десне уже были заселены се-

верянами. Угличей и тиверцев летописец помещает по Днестру до моря и Дуная, однако Соловьев считал, что тут нужно заглянуть немного далее в наш источник:

«...угличи жили прежде в низовьях Днепра; когда Игорев воевода Свенельд после упорного трехлетнего сопротивления взял их город Пересечен, то они двинулись на запад, перешли Днестр и поселились на западном его берегу», – к тому же, следуя указаниям Прокопия и Иорнанда, он отождествляет их с антами.

Общественный строй восточных славян

У славянских переселенцев был родовой строй. Иными словами, каждый род в племени селился отдельно, и во главе каждого из них стоял родовой вождь, когда требовалось решать важные для племени вопросы, вожди родов собирались вместе на совет, известный как совет старейшин. Эти старейшины или родовые вожди носили разные имена – князья, жупаны, старцы, владыки. От названия родового вождя, считает Соловьев, и пошло русское слово «князь», которое со временем утратило всякий родовой смысл и стало титулом. Об этом начальном родовом периоде славянской жизни летопись сообщает так:

«Все эти племена имели свои обычаи, и законы своих отцов, и предания, и каждые – свой нрав. Поляне имеют обычай отцов своих кроткий и тихий, стыдливы перед снохами

своими и сестрами, матерями и родителями; перед свекровьями и деверями великую стыдливость имеют; имеют и брачный обычай: не идет зять за невестой, но приводит ее накануне, а на следующий день приносят за нее — что дают. А древляне жили звериным обычаем, жили по-скотски: убивали друг друга, ели все нечистое, и браков у них не бывало, поскольку умыкали девиц у воды. А радимичи, вятичи и северяне имели общий обычай: жили в лесу, как и все звери, ели все нечистое и срамословили при отцах и при снохах, и браков у них не бывало, но устраивались игрища между селами, и сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни, и здесь умыкали себе жен по сговору с ними; имели же по две и по три жены. И если кто умирал, то устраивали по нем тризну, а затем делали большую колоду, и возлагали на эту колоду мертвеца, и сжигали, а после, собрав кости, вкладывали их в небольшой сосуд и ставили на столбах по дорогам, как делают и теперь еще вятичи. Этого же обычая держались и кривичи, и прочие язычники, не знающие закона Божьего, но сами себе устанавливающие закон».

Иначе говоря, хотя родовые обычаи и быт у славян отличались, между ними было очень много сходных черт. Соловьев пояснял, что не стоит воспринимать эти обычаи как нечто умильное и напрасно утраченное:

«Существуют различные взгляды на родовой быт: одни представляют его в идиллическом виде, предполагают в нем исключительное господство нежных, родственных отноше-

ний, другие, напротив, смотрят на него с противоположной стороны, предполагают суровость отношений между отцом и детьми, между родоначальником и родичами, подавление родственных отношений правительственными, причем приводят в пример семью римскую и германскую, где отец имел право осуждать своих детей на рабство и смерть. Мы заметим, что нельзя представлять себе родового быта идиллически, нельзя забывать о первобытном, младенческом состоянии народа, которого движения, страсти мало чем обуздываются; не надобно забывать, что и у просвещенных народов родственные отношения не исключают вражды, что вражда между родичами считается самою сильною, что родовой быт, по самому существу своему, условливает неопределенность, случайности. Но, с другой стороны, мы не можем вполне разделять и противоположного взгляда: правда, что в быте родовом отец семейства есть вместе и правитель, над которым нет высшей власти, но не знаем, в праве ли мы будем допустить совершенное подавление родственных отношений правительственными, особенно при отсутствии всяких определений; не имеем ли мы права предположить, что родственные отношения в свою очередь смягчали отношения правительственные? Каким образом осудить их на совершенное бездействие даже в быту самом грубом? Владимир имеет право казнить жену, замышлявшую преступление, и хочет воспользоваться своим правом, но входит малютка-сын, и меч выпадает из рук отцовских. Здесь главный вопрос не

в том, подавлялись ли родственные отношения правительственными, но в том, как выражались самые родственные отношения? Мы не должны только по своим христианским понятиям судить о поступках языческих грубых народов; так, например, отец в семье германской и литовской осуждал на гибель новорожденных детей своих, если семья была уже многочисленна или если новорожденные были слабы, увечны; но такое поведение отцов, приводящее нас в ужас, происходило у язычников из грубых понятий о родственном сострадании, а не из понятий о деспотической власти отца над детьми; язычники смотрели на жизнь человека с чисто материальной стороны: при господстве физической силы человек слабый был существом самым несчастным, и отнять жизнь у такого существа считалось подвигом сострадания; доказательством тому служит обязанность детей у германцев и литовцев убивать своих престарелых, лишенных сил родителей. Эти обычаи имели место преимущественно у племен воинственных, которые не терпели среди себя людей лишних, слабых и увечных, не могших оказывать помощи на войне, защищать родичей, мстить за их обиды; у племен, живших в стране скудной, стремление предохранить от голодной смерти взрослых заставляло жертвовать младенцами. Но у народа относительно более мирного, земледельческого, живущего в стране обильной, мы не встретим подобных обычаев; так, не встречаем их у наших восточных славян: летописец, говоря о черной стороне языческого быта последних, не упомина-

ет об означенных обычаях; даже у славян померанских, которые по воинственному характеру своему и по соседству с племенами германскими и литовскими являются более похожими на последних, даже и у этих славян с престарелыми и слабыми родителями и родственниками обходились совершенно иначе, чем у германцев и литовцев. Вообще же должно остерегаться делать точные определения первоначальному родовому обществу в том или другом смысле».

Иными словами, не стоит впадать в крайности – видеть в родовом строе воплощение добра и справедливости или же видеть в нем одни лишь гнусности и безобразие. Жизнь наших предков в ту дальнюю эпоху была отнюдь не безоблачной, нравы были достаточно грубыми, но, тем не менее, родовое общество строилось по своим, пусть неписанным, но законам. И славяне этих законов придерживались. То есть это были вовсе не столь уж звериные обычаи, о которых повествует нам летопись.

Родовые старшинства

Известно, что должность главы рода, то есть вождя, не была наследной, то есть совсем не обязательно, что она переходила от отца-вождя к старшему из сыновей. Многие зависело и от личных качеств, и от выбора всех мужчин или старейшин рода. Из этого древнего обычая Соловьев выводил и более поздний – «посадить князя», то есть ввести князя че-

рез установленные нормы во власть. Не «посаженный» князь такой власти иметь не мог. Его должны были признать, принять. Вождь отвечал за всю жизнь рода, за его существование: он распоряжался всеми работами, хранил казну, вносил подати, выдавал одежду и еду, наказывал за проступки по справедливости, а также – как считал историк – был еще и жрецом. То есть в нем соединялась вся земная и небесная власть (хотя и не христианская). В более позднем обществе, которое ученый отождествлял с родовым (хотя таковым оно уже не являлось), при Рюриковичах, власть над родом стала наследной, ее принимал старший в роду. Эта особая черта передачи власти у Рюриковичей, действительно, существовала, она была причиной постоянных войн и стычек между князьями. Старший в роду Рюриковичей принимал функции отца, для всех младших братьев и родственников он считался «отцом». Скажем, это отношение к князю как к отцу (а также к любому барину как к отцу) было характерно и для крестьянства отнюдь не IX века нашей эры, а XIX. Но в среде знати такое отношение к старшему в роду благополучно исчезло вместе с родом царствующих Рюриковичей. Но в днепровской Руси родовое старшинство обязывало младших покоряться воле старших, так что не удивительно, что младшие мечтали достичь положения старшего в роду и получить право распоряжаться жизнями и имуществом других по собственному усмотрению. Русский порядок наследования в те времена, пожалуй, наиболее сложный и запутанный.

Если при первых киевских князьях из варягов он был еще понятным и оправданным, то впоследствии при росте числа наследников разобраться в нем стало очень сложно. Но в начале истории днепровских славян все было предельно просто. Наследование власти было примитивным. Здесь нужно говорить о выделении из общего рода его частей, которые уходили, осваивали новые земли, расширялись, затем практически порывали со своим прежним родом (может, только помнили о своем происхождении) и становились новым племенем, часто враждебным к тому, из которого произошли. Аналогичным образом, говорит Соловьев, происходило и в разветвленном уже роду Рюриковичей, когда образовывались происходящие от одного корня, но враждебные княжеские кланы. В начальные века каждый род возводил свой город. Городом, конечно, в нашем понимании эти поселения назвать трудно. По виду это была довольно крупная деревня, но обнесенная частоколом, то есть изгородью, огороженное место – отсюда и пошло слово город. Первоначально городов было немного, на всем пространстве между Новгородом и Киевом летописный князь Олег упомянул всего два – Любеч и Смоленск. Скорее всего, их было больше, в каждом племени (кроме вятичей, радимичей и дреговичей), но Олегу они по сравнению с Новгородом и Киевом показались ничтожными. Такие «города» не спасли бы от полноценного врага вроде римлян или византийцев, но от соседних племен, стоявших на том же уровне развития, – спасали. Какая-ника-

кая, но это была защита. Стычки были постоянными, а в силу схожести вооружения – безнадёжные. Род вставал на род, кто-то побеждал, кто-то проигрывал, затем все повторялось, но победитель был другой, и так до бесконечности. Ничего, кроме разрушения и смертей, такие стычки не приносили. Конечно, существовали межплеменные и внутриплеменные собрания старейшин, которые должны были предотвратить войны и разрешить недоразумения мирным путем. Однако со временем все эти собрания или веча никакого эффекта не достигали. Вражда поднялась на тот уровень, когда потребовался третейский судья. Таким судьей и стали пришедшие варяжские князья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.